

УДК 355.48:356.15(476)

**ТАРАСОВО-РАТОМСКОЕ ПОДПОЛЬЕ:
РУКОВОДСТВО, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ,
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ**

Красинский И.В.

После захвата Минска фашистами в конце июня 1941 г. в пригородной зоне возникла сеть партийно-комсомольских ячеек, координируемая подпольным горкомом КП(б)Б. Одной из них стало Тарасово-Ратомское подполье, существовавшее с июля 1941 г. до начала апреля 1942 г. и насчитывавшее 28 участников. В центре деятельности подполья была политическая агитация, сбор оружия и, что уникально для пригородных ячеек, организация подпольного «госпиталя» для нетранспортабельных красноармейцев. На основе энциклопедических сводок, институциональных публикаций и локальных краеведческих материалов реконструированы состав, функции, хронология и формы мемориализации. Установлено, что к концу марта 1942 г. группа готовилась к переходу в партизаны, но была раскрыта; руководители и часть актива были казнены в ночь на 3 апреля 1942 г., при этом спасённые бойцы пополнили партизанские формирования.

Ключевые слова: Тарасово-Ратомское подполье, Минский район, Великая Отечественная война, подпольный госпиталь, Ф.Ф. Кургаев, Е.В. Саблер, партизанское движение, мемориализация.

**TARASOVO-RATOMKA UNDERGROUND RESISTANCE MOVEMENT:
LEADERSHIP, STAGES OF DEVELOPMENT,
ACTIVITIES, MEMORIALIZATION**

Krasinski I.V.

In late June 1941 after Nazis captured Minsk a network of Communist underground cells emerged in the suburban zone coordinated by the Minsk Party Committee. One of them, the Tarasovo-Ratomka underground resistance movement (28 members), operated from July 1941 to early April 1942. Its core activities

included political agitation, arms collection, and most notably for suburban cells, the organization of a clandestine medical ward for severely wounded Red Army soldiers. Using encyclopedic summaries, institutional publications and local studies the authors of the article has reconstructed the membership, functions, chronology, and practices of memorialization. By late March 1942 the group prepared to join partisan units but was exposed, leaders were executed on the night of 3 April 1942, while rescued soldiers reinforced the partisans.

Keywords: Tarasovo-Ratomka underground, Minsk District, Second World War, clandestine hospital, Philipp Kurgayev, Efim Sabler, partisan movement, memory studies.

После захвата Минска войсками вермахта в конце июня 1941 г. в пределах городской агломерации сформировалась разветвлённая сеть подполья, координируемая подпольным горкомом КП(б)Б [1]. В перечне управляемых структур значится Тарасово-Ратомское партийное подполье, действовавшее с июля 1941 г. по начало апреля 1942 г. и включавшее 28 участников [7]. Функционально ячейка сочетала идеолого-информационную работу (приём и распространение сводок Совинформбюро), логистику и снабжение (сбор оружия, продовольствия, медикаментов), а также уникальную для пригородных групп медицинскую деятельность – подпольный «госпиталь» для нетранспортабельных раненых на базе правления колхоза «Красный пахарь» [11; 7; 13; 10]. К концу марта 1942 г. группа выстраивала переход к партизанской фазе, однако была раскрыта; руководители и часть актива расстреляны в ночь на 3 апреля 1942 г. [7]. Память о подпольщиках зафиксирована в комплексе локальных объектов (обелиск 1964 г., стела 1970 г.) и школьной музейной традиции Ратомки [4; 13].

Цель статьи – на основе разножанрового корпуса источников реконструировать состав, задачи и хронологию Тарасово-Ратомского подполья, выделив роль медицинской компоненты и локальные практики мемориализации.

Научная новизна заключается в системном сопоставлении академических сводок НАН Беларуси с институциональными публикациями и микроисторическими нарративациями (школьный музей, районные ресурсы), что позволяет уточнить численность спасённых и механизмы конспирации [2; 4; 5; 7; 10; 12].

Основные сведения о датировке (июль 1941 – начало апреля 1942), численности (28 участников), составе руководства (В.И. Лошицкий, П.М. Бортник, А.И. Вольский, Ф.Ф. Кургаев, Е.В. Саблер), обстоятельствах разгрома и формах увековечения памяти (стела 1970 г.) даны в двух статьях «Белорусской энциклопедии» – «Тарасово-Ратомское партийное подполье» и «Минское партийное подполье» [1; 7]. Общебелорусский контекст (сеть подполья, специфика оккупационного режима, роль пригородных ячеек) уточняется по энциклопедическому изданию «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941-1945» [2].

Институциональные и профессиональные публикации (медицинская линия). Газета Башкирского государственного медицинского университета «Медик» (2013, № 5, май) [11] и очерк «Наш земляк – военврач Филипп Кургаев» [10] дают проверяемые биографические данные о Ф.Ф. Кургаеве и описывают практику подпольного лечения: экстренные вмешательства без анестезии при свете керосиновой лампы, организацию ухода, снабжения и эвакуации раненых. Эти источники содержат минимально подтверждённую количественную оценку: около 80 спасённых из примерно 100 раненых за девять месяцев работы лазарета. Сведения сопоставляются с литературной традицией (А.И. Гусев, «О чём шумят берёзы») и материалами школьных коллекций как источниками микроистории [8; 13].

Материалы Минской районной центральной библиотеки фиксируют объекты памяти (обелиск 1964 г., стела 1970 г.) и приводят локальные списки захоронений [4]. Сайт школьного музея Ратомской средней школы аккумулирует устные свидетельства (в т.ч. Е.Е. Максимовой), уточняет расположение «госпиталя» (канцелярия колхоза «Красный пахарь») и

описывает устойчивые практики конспирации [13]. Региональные СМИ и очерки («Пристоличье», краткие исторические справки) дополняют картину мемориализации [5; 9]. Справочная статья из «Википедии» используется только как вспомогательный ориентир по локальным деталям (например, эпизод 1961 г. с обнаружением боевого знамени) и не рассматривается как первичный источник фактов [12].

В работе последовательно сопоставляются данные энциклопедических статей с институциональными медицинскими публикациями и локальными нарративами. При расхождениях принимается консервативная, минимально подтверждённая оценка (например, «≈80 спасённых») [7; 11; 4; 13; 10]. Локальные и устные материалы привлекаются как иллюстративные и контекстуализирующие с обязательной сверкой с академическими и институциональными публикациями.

Согласно академической сводке НАН Беларуси, Тарасово-Ратомское подполье действовало с июля 1941 г. по начало апреля 1942 г., насчитывало 28 участников; руководящее ядро составляли председатель колхоза «Красный пахарь» В.И. Лошицкий, директор Тарасовской школы П.М. Бортник, активист А.И. Вольский, военврач Ф.Ф. Кургаев и фармацевт (интендант 2-го ранга) Е.В. Саблер [7]. Ячейка была встроена в сеть Минского партийного подполья (координация подпольным горкомом КП(б)Б), выполняла три опорных блока задач: политико-информационный (приём и распространение сводок Совинформбюро), логистико-военный (сбор оружия, подготовка к выходу в партизаны) и медицинский (организация подпольного «госпиталя» в канцелярии колхоза «Красный пахарь») [1; 7; 13]. Медицинская линия под руководством Ф.Ф. Кургаева и Е.В. Саблера обеспечила лечение приблизительно 100 раненых красноармейцев, из которых около 80 удалось «поставить на ноги» за девять месяцев; выздоравливавших расселяли по домам под видом родственников и переправляли в партизанские отряды [11; 13; 10]. В ночь на 3 апреля 1942 г. группа была раскрыта; руководители и часть актива казнены, что пресекло переход ячейки к партизанской фазе [7; 10].

Руководство и участники

Функции лидеров распределялись по сферам. В.И. Лошицкий обеспечивал организационное прикрытие и хозяйственные ресурсы на базе колхоза «Красный пахарь»; П.М. Бортник отвечал за агитационно-информационную работу (приём и распространение сводок Совинформбюро, связь с населением); А.И. Вольский поддерживал связи и вовлечение молодёжи; Ф.Ф. Кургаев и Е.В. Саблер вели медицинское направление – приём нетранспортабельных раненых, экстренные вмешательства, уход и снабжение, конспиративное размещение пациентов [11; 7; 13; 10].

Социально-профессиональный профиль участников типичен для пригородных ячеек Минского подполья: школьные работники и учащая молодёжь (линия Бортника), колхозный актив и сельские ремесленники (линия Лошицкого), медицинские кадры и помощники (линия Кургаева и Саблера). Сеть опиралась на соседние деревни, где налаживались сбор оружия, передача сведений о карательных акциях и маршруты укрытия людей. На практике это выражалось в легализации раненых под видом родственников и их расселении по дворам до переправы в лес к партизанам; фиксируется и опыт экстренных операций без анестезии при свете керосиновой лампы, а также снабжение лазарета бельём, йодом, спиртом и продуктами силами жителей [11; 13; 10].

Персональный состав потерь известен по именному ряду, приводимому в энциклопедической статье: среди казнённых – В.И. Лошицкий, П.М. Бортник, А.И. Вольский, Ф.Ф. Кургаев, Е.В. Саблер, а также И.А. Барановский, Г. Башкиров, С.И. Бортник, И.Ф. и Ф.Ф. Бурчаковы, С.И. Готовко, Д.А. Жизневский, В.П. Киселёв, А.Д. Лошицкая, Ф.А. Третьяков, М. Ушаков, П.И. Холодов и др. Это позволяет соотнести руководящую «пятерку» с активом и оценить масштаб репрессии против местной сети [7].

Структурно группа разделялась на несколько взаимосвязанных блоков: информационный (радиоприём, агитация), логистический (сбор оружия, продовольствия, подготовка к выходу в партизаны), медицинский (лечение и эвакуация раненых). Управление осуществлялось через контакт с минским

подпольным центром; меры конспирации включали разнесение функций, псевдонимы, «семейные» легенды и ночные перемещения пациентов. Такая организация обеспечила устойчивость работы на протяжении девяти месяцев и позволила подготовить часть людей к переходу в партизанские отряды до разгрома 3 апреля 1942 г. [1; 7; 13; 10].

Этапы развития подполья

1. Предпосылки и формирование (июль – август 1941 г.)

Импульсом к самоорганизации стало прибытие в Тарасово первых групп нетранспортабельных раненых из окружённых под Минском частей Красной армии (в т.ч. бойцов стрелковых соединений); командование поручило военврачу Ф.Ф. Кургаеву организовать их лечение на месте [11]. С июля 1941 г. он фактически выполнял функции «волостного врача», а местные активисты – В.И. Лошицкий, П.М. Бортник, А.И. Вольский – развернули базовую подпольную сеть: конспиративные квартиры, связь с минским подпольем, приём сводок Совинформбюро для устного распространения среди населения [1; 7]. В эти же недели определили место для стационарной помощи – канцелярию колхоза «Красный пахарь» – и правила конспирации (псевдонимы пациентов, оформление как «родственников», ночные перевозки) [13].

2. Консолидация и расширение сети (осень 1941 – зима 1941/42 гг.)

Подпольный лазарет перешёл к регулярной работе: экстренные операции без анестезии при свете керосиновой лампы, элементарные хирургические вмешательства (извлечение осколков), перевязки из «домашних» материалов; снабжение строилось на приносе жителями белья, йода, спирта, продуктов, одежды [11; 13]. Одновременно расширялись каналы эвакуации и легализации: оформление временных бумаг и «родственных» легенд, расселение выздоравливающих по домам, их перевод в лес к партизанам; на стороне логистики велись сбор оружия и боеприпасов для будущего отряда [7; 13]. По минимально подтверждённой оценке, за почти 9 месяцев через лазарет прошло около 100 бойцов, из них до 80 – вылечены и переправлены (или готовились к переправе) [11; 10].

3. Подготовка к партизанскому переходу (февраль – март 1942 г.)

К концу зимы 1942 г. подполье достигло предела скрытности: накопилась критическая масса людей и ресурсов, что потребовало организованного выхода «в лес». По линии Минского подполья была согласована подготовка группы из подпольщиков и выздоравливавших; к концу марта 1942 г. формирование фактически стояло «на старте» [7]. Идеолого-информационная работа (приём и ретрансляция сводок) продолжалась, одновременно усиливались меры конспирации (разнесение пациентов, ночные перемещения) [1; 7; 13].

4. Разгром и последствия (ночь на 3 апреля 1942 г. и далее)

По данным совокупности источников к концу марта 1942 г. часть выздоравливавших и подпольщиков готовилась к организованному выходу «в лес». В начале апреля последовал донос; в деревне Тарасово и на станции Ратомка оккупационные силы провели облаву, схватили руководителей и оставшихся раненых, всю ночь истязали и на рассвете 3 апреля 1942 г. расстреляли. Академическая энциклопедия подтверждает дату и сам факт казни руководства и активистов; локальные отраслевые публикации добавляют конкретику о «скручивании рук колючей проволокой», содержании на морозе и масштабе расправы. Таким образом, медицинское звено как структурная часть подполья было уничтожено одновременно с руководящим ядром.

Медико-санитарная и социальная помощь

Центром практической работы группы стал подпольный лазарет в канцелярии колхоза «Красный пахарь» в Тарасово. Медицинское направление организовали военврач Ф.Ф. Кургаев и аптечный работник (интендант 2-го ранга) Е.В. Саблер. Под угрозой расправы жители снабжали лазарет бельём для перевязок, йодом и спиртом, приносили продукты и одежду, помогали ухаживать за раненым контингентом и вывозить тяжёлых больных «под видом» родственников. Эти сведения устойчиво фиксируют местоположение лазарета и характер бытово-медицинской поддержки со стороны населения [7; 13].

Профессиональные и биографические подробности о Ф.Ф. Кургаеве дополняют институциональные публикации. Выпускник Башкирского

мединститута 1939 г., участник советско-финской войны Кургаев в первые дни оккупации получил задачу лечить оставленных нетранспортабельных раненых. В источниках описан показательный эпизод первой ночи работы лазарета: экстренные вмешательства без анестезии при свете керосиновой лампы с извлечением осколков перочинным ножом и успешным исходом у трёх тяжёлых раненых. Далее последовала системная работа: перевязки из разорванных простыней, стирка и глажка перевязочного материала, обмен марли и йода на рынке, ночные перевозки и конспиративное расселение пациентов по дворам [11; 13; 10].

По минимально подтверждённой оценке за девять месяцев через лазарет прошло около 100 бойцов и командиров Красной армии; примерно 80 удалось «поставить на ноги». Выздоровливающих легализовали как «родственников», выдерживали период восстановления у сельчан и переправляли к партизанам. Эта количественная вилка ($\approx 100/\approx 80$) и описанные «технологии» подпольной медицины согласованно воспроизводятся в профессионально-корпоративных и музейных публикациях [11; 13; 10].

Академическая энциклопедическая сводка подчёркивает медицинскую работу как одно из трёх ключевых направлений деятельности группы наряду с политической агитацией и сбором оружия: подпольщики «спасали, лечили, обеспечивали продовольствием» окружённых красноармейцев и «переправляли их к партизанам». Тем самым фиксируется минимально необходимый набор установленных фактов, к которому локальные и профессиональные источники добавляют проверяемую конкретику места, приёмов и ориентировочных объёмов помощи [7].

Сбор оружия и подготовка к партизанским действиям

По указаниям минского подпольного горкома КП(б)Б Тарасово-Ратомская группа рассматривалась как зачаток самостоятельного партизанского формирования. На неё возлагались задачи по накоплению оружия и боеприпасов, подбору кадров и подготовке организованного выхода в лес при достижении пороговой численности и ресурсного обеспечения [1; 7]. В этом

контуре сбор вооружения выступал не эпизодической, а системной деятельностью, осуществлявшейся параллельно с агитационной и медицинской работой.

Источники оружия были типичными для пригородной зоны Минска в 1941-начале 1942 гг.: оставленные и потерянные единицы на местах боёв, трофейные образцы, а также отдельные предметы, поступавшие через сельскую сеть взаимопомощи. В локальных материалах школьного музея подчёркивается, что работа велась скрытно и сочеталась с обеспечением «госпиталя»: по мере выздоровления бойцов для них готовили одежду, обувь и минимальный боезапас, формируя костяк будущей лесной группы [13]. Такая связка «лечение – доукомплектование – вывод» позволяла использовать выздоравливавших как кадровую основу, что соответствовало линиям Минского подполья на пополнение партизанских отрядов за счёт окруженцев и местного актива [1; 7].

Организационно подготовка включала: а) подбор проверенных участников для «выходной группы»; б) накопление и распределение оружия и патронов; в) отработку маршрутов и конспиративных точек, необходимых для бесшумного перехода к лесным базам; г) материально-бытовое обеспечение – сухие пайки, тёплые вещи, перевязочные средства, которые частично формировались за счёт сети помощи вокруг лазарета [11; 13; 10]. Важной предпосылкой была устойчивая связь с минским центром, позволявшая синхронизировать момент выхода с действиями соседних ячеек и принять меры к рассредоточению в случае утечки информации [1; 7].

К концу марта 1942 г. по данным энциклопедической статьи НАН Беларуси группа подпольщиков и выздоровевших бойцов была готова к организованному выходу «в лес». Это стало прямым следствием накопленной материальной базы (оружие, боеприпасы, одежда) и кадрового ядра, сформированного на стыке медицинской и логистической работы [7]. Реализовать план не удалось: уже на рубеже марта-апреля последовали аресты и казни руководителей и части актива, что пресекло переход ячейки к партизанской фазе [7; 10].

Память и мемориализация

Материальная память о Тарасово-Ратомском подполье складывалась поэтапно и закрепились в виде локального мемориального ландшафта. Сразу после войны в Тарасово установлен обелиск на братской могиле советских воинов (1946), что зафиксировало базовую точку собрания памяти в посёлке. Позднее появились собственно знаки, посвящённые подпольщикам: на братской могиле членов группы воздвигнут обелиск в 1964 г., а у южной окраины деревни – стела в 1970 г. в честь Тарасово-Ратомского подполья [7; 4; 13]. Эти даты и объекты систематически фигурируют в районных краеведческих сводках и в материалах школьного музея, что позволяет однозначно локализовать места памяти и связать их с описанными в источниках событиями 1941-1942 гг. [4; 13]. Отдельный элемент «длинной» памяти региона – эпизод августа 1961 г. с обнаружением в Тарасово боевого знамени 7-го стрелкового полка и последующей передачей его в штаб Белорусского военного округа и в Москву; он упоминается в справочных и обзорных публикациях как иллюстрация послевоенного «возвращения» утраченных реликвий [9; 12].

Вокруг указанных мест памяти сложилась устойчивая практика гражданских и воспитательных ритуалов. Районные СМИ регулярно освещают уроки мужества, митинги и памятные акции у стелы и на братской могиле; фиксируются чтение имен, возложение цветов, участие школьников, ветеранских и молодежных объединений Минского района [4; 5]. Эти формы мемориальной работы поддерживаются и общественными институтами: в частности, профсоюз работников здравоохранения области курировал благоустройство памятника участникам подполья (отчёт от 28 апреля 2019), что отражает включённость профессиональных сообществ в уход за объектами памяти [3]. Таким образом, уход за памятниками и публичные ритуалы образуют связку «материальный объект – регулярная практика», обеспечивающую воспроизводство локальной памяти в публичном пространстве [3; 4; 5].

Ключевым хранилищем микроисторических свидетельств выступает музей при Ратомской средней школе, созданный и пополнявшийся со второй половины 1960-х гг. (значим вклад учителя Давида Сигалова). В музейной экспозиции и на сайте представлены устные воспоминания (в т. ч. связной Е.Е. Максимовой), фотодокументы, локальные списки захороненных, сведения о расположении подпольного «госпиталя» (канцелярия колхоза «Красный пахарь»), а также данные о посмертных награждениях активистов медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» [13]. Школьный музей выполняет сразу две функции: документирует локальные сюжеты, которые слабо «видны» в общереспубликанских изданиях, и служит площадкой межпоколенческой передачи памяти (встречи с родственниками, тематические экскурсии, проектные занятия) [5; 13].

Важную роль здесь играет и нарративная фиксация памяти в медиапространстве. Публикации республиканской прессы с устными свидетельствами (напр., интервью-очерк «Евгения – партизанская связная») возвращают в публичную повестку конкретные истории участниц и участников подполья, уточняя детали повседневной конспирации, ухода за ранеными и обстоятельств репрессий весной 1942 г. [6]. Региональные ресурсы («Пристоличье») регулярно публикуют репортажи о памятных мероприятиях, поддерживая актуальность темы и формируя доступный «летописьный» слой современной памяти [5]. В цифровой среде циркулируют и справочно-обзорные тексты об истории Тарасово, где эпизоды подполья включены в краткие исторические обзоры для широкой аудитории; эти материалы полезны для навигации, но требуют сопоставления с энциклопедическими и музейными данными [9; 12].

Структурно память о Тарасово-Ратомском подполье сегодня опирается на три взаимосвязанных уровня. Первый – материальные знаки (обелиск 1964 г., стела 1970 г., братские захоронения), задающие топографию памяти и «точки сборки» для публичных ритуалов [4; 13]. Второй – институциональные носители памяти (школьный музей, библиотека, профессиональные

сообщества), обеспечивающие хранение и воспроизводство источников, уход за памятниками и образовательные инициативы [4; 3; 13]. Третий – медийно-цифровой контур (региональная и республиканская пресса, локальные сайты), через который поддерживается текущая видимость темы, тиражируются свидетельства и документы, а также консолидируется локальная историческая идентичность [5; 9; 6; 12]. В совокупности эти уровни делают память о подполье не эпизодической, а повседневной практикой, укоренённой в пространстве, институтах и публичной речи Минского района.

Таким образом, Тарасово-Ратомское подполье демонстрирует характерную для пригородной зоны Минска модель сопротивления 1941-1942 гг.: организационное включение в сеть подпольного горкома КП(б)Б, сочетание информационно-агитационных, логистических и медицинских функций, а также кадровый «мост» к партизанским соединениям. Хронологические рамки (июль 1941 – начало апреля 1942), численность (28 участников) и состав руководства (В.И. Лошицкий, П.М. Бортник, А.И. Вольский, Ф.Ф. Кургаев, Е.В. Саблер) подтверждены академическими справочниками и позволяют рассматривать группу как устойчивую ячейку, работавшую непрерывно до её разгрома в ночь на 3 апреля 1942 г.

Уникальность изучаемой ячейки для пригородного подполья заключается в развернутой медицинской деятельности. Подпольный лазарет в канцелярии колхоза «Красный пахарь», организованный Ф.Ф. Кургаевым и Е.В. Саблером при широкой поддержке жителей, обеспечил лечение ориентировочно 100 раненых, из которых около 80 были восстановлены и впоследствии переправлены в партизанские отряды. Тем самым медицинская линия не только выполняла гуманитарную функцию, но и решала кадровую задачу пополнения вооружённого сопротивления, органично дополняя сбор оружия и конспиративную логистику.

Разгром весной 1942 г. пресёк переход к партизанской фазе и унёс жизни руководителей и части актива, однако достигнутые результаты (спасённые и выведенные в лес бойцы, накопленные ресурсы и отлаженные маршруты)

сохраняют значение как вклад в общий потенциал сопротивления Минского района.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с уточнением персонального состава (включая пациентов лазарета), детализацией каналов снабжения и связи с партизанскими формированиями, а также с введением в научный оборот новых устных историй и архивных находок (в т. ч. по эпизодам послевоенного «возвращения» реликвий).

Список литературы:

1. Аржаева, Л.В.; Гуленко, В.И.; Игнатенко, И.М.; Литвин, А.М.; Сакевич, А.Д.; Шумейко, М.Ф.; Эполетов, Н.И. Минское партийное подполье [Электронный ресурс] // Белорусская энциклопедия [сайт]. 22.05.2023. URL: <https://goo.su/2z32UHO> (дата обращения: 24.03.2026).
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941-1945: энцыклапедыя. Мінск: БелСЭ, 1990. 680 с.
3. Благоустройство памятника участникам Тарасово-Ратомского подполья [Электронный ресурс] // Минская областная организация Белорусского профсоюза работников здравоохранения [сайт]. 28.04.2019. URL: <https://goo.su/g2awWc3> (дата обращения: 24.03.2026).
4. Братская могила № 1097. Жертвам фашизма, аг. Ратомка, Минский район, Минская область [Электронный ресурс] // Минская районная центральная библиотека [сайт]. 2026. URL: <https://goo.su/fQiVFpv> (дата обращения: 24.03.2026).
5. В Ратомке вспомнили павших в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Пристоличье [сайт]. 23.06.2023. URL: <https://goo.su/R53lbu> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Воспоминания участницы Тарасово-Ратомского подполья. Евгения – партизанская связная [Электронный ресурс] // СБ Беларусь сегодня [сайт]. 13.05.2015. URL: <https://goo.su/gJD41Cb> (дата обращения: 24.03.2026).
7. Гапеев Е.Д. Тарасово-Ратомское партийное подполье [Электронный

ресурс] // Белорусская энциклопедия [сайт]. 27.02.2025. URL: <https://goo.su/vs0qqQZ> (дата обращения: 24.03.2026).

8. Гусев А.И. Юность, опаленная войной: документальные повести. Минск: Юнацтва, 1987. 125 с.

9. История Тарасово [Электронный ресурс] // Tarasovo Village [сайт]. 2026. URL: <https://goo.su/zzuGWUP> (дата обращения: 24.03.2026).

10. Минигазимов Р. Наш земляк – военврач Филипп Кургаев [Электронный ресурс] // Фронт в тылу врага [сайт]. 2026. URL: <https://goo.su/vYO2A> (дата обращения: 24.03.2026).

11. С Днем Победы! [Электронный ресурс] // Медик. Газета Башкирского государственного медицинского университета. 2021. № 5 (51). Май. URL: <https://goo.su/i4Uwg5> (дата обращения: 24.03.2026).

12. Тарасово (Минская область) [Электронный ресурс] // Википедия [сайт]. 13.08.2025. URL: <https://goo.su/Tca4VXj> (дата обращения: 24.08.2025).

13. Тарасово-Ратомское подполье: материалы к школьной экспозиции, воспоминания, подборка ссылок [Электронный ресурс] // Ратомская средняя школа [сайт]. 2026. URL: <https://goo.su/qlN4b> (дата обращения: 24.03.2026).

Сведения об авторе:

Красинский Иван Викторович – магистр истории, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и профильных учебных предметов Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Минск, Беларусь).

Data about the author:

Krasinsky Ivan Viktorovich – Master of History, Senior Lecturer of Russian as a Foreign Language and Specialized Academic Subjects Department, Institute for Professional Skills and Continuing Education of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

E-mail: iankrasinski@gmail.com.